

2. Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 7, 183.
3. Там же. С. 110, 189.
4. Там же. С. 111, 188.
5. Новосельцев А.П. Древнерусское государство // История Европы: В 8 т. М., 1992. Т. 2. С. 207-208; Он же. Государственный строй Древней Руси // Российская государственность: исторический аспект. М., 1995. С. 11.
6. Вілкул Т. Л. Віче в Давній Русі у другій половині XI-XIII ст.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2001; Она же. Дружина-вече // Государство и общество. 2002. № 1. С. 13-38.
7. Лукин П.В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 98, 129.
8. Пузанов В.В. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 60-62.
9. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 18-19.
10. Майоров А.В. О составе участников древнерусского вече (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси) // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 326-329; Он же. Галицко-Волынская Русь. С. 16.
11. Сахаров А.Н. Становление раннефеодальных отношений. Государственная власть. Города. Торговля. Армия // История России с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 1996. С. 134.
12. Сахаров А.Н. «Господин Великий Новгород» // Там же. С. 206.
13. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 65-66.
14. Филюшкин А.И. История России с древнейших времен до 1801 г.: Пособие для вузов. М., 2004. С. 44.
15. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 1999. С. 101.

*Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
vip@depon.tyumen.ru*

УДК 94(47157):930

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ XX — НАЧАЛА XXI вв. О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОМ РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV–XVI ВЕКАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной исторической мысли XX в. по проблемам развития политических форм управления в едином Русском государстве.

Summary. The article is devoted to the analyses of the historical views in Russia at the turn of the 20th century upon the development of ruling political forms in the joint Russian state at the turn of the XV century.

Ключевые слова. Форма управления, русское государство XV–XVI в., историография.

Key words. Ruling forms, Russian state XV–XVI century, historiography.

Вопрос о сущности политических форм управления в едином Русском государстве всегда интересовал отечественных историков. Изучение этого вопроса советскими учеными рассматривалось в историографических исследованиях обобщающего характера [1], в трудах, посвященных развитию советской исторической науки на отдельных этапах ее развития [2] наряду с другими вопросами образования Русского государства в XV-XVI вв., а также в ряде специальных работ [3].

В данной статье анализируются взгляды и мнения советских и современных исследователей о форме правления, сложившейся в едином Русском государстве на завершающем этапе его образования.

Со времен Н.М. Карамзина в науке утверждалась оценка централизации, исходившая прежде всего из государственных потребностей единения страны и создания сильной монархической власти. В трудах историков государственной школы Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева развивалась мысль, что подавление «боярской крамолы» и наступление великокняжеской (царской) власти на удельную независимость означали успех центра [4].

В исследованиях ученых начала XX в.: А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова, Р.Ю. Виппера, В.Е. Вальденберга и др. историков [5] история централизации понималась преимущественно как история **становления** самодержавия в России. В центре внимания авторов стояли личности царей, звучала идея о государе как выразителе «народного единства». Для историков этого времени было характерно представление о внеклассовом характере русского самодержавия [6]. Часть историков поддерживала мнение П.Н. Милюкова, который решающим фактором образования Русского государства XV-XVI вв. считал фактор военный и писал о формировании в это время абсолютизма [7].

Однако историки дореволюционной поры определенное внимание уделяли и изучению истории органов сословного представительства в России в XVI-XVII веках. Наиболее популярной была тема земских соборов. В них видели прообраз представительных учреждений, введение которых должно было стать условием реформирования российской государственности в XIX-XX веках. Исследователи идеализировали земские соборы как учреждения, в которых осуществлялось единство власти и народа, как орган, выражавший общенациональные интересы. Сословно-представительную монархию они рассматривали как организацию, стоящую над классами.

Так, А.Е. Пресняков земские соборы и западноевропейские сословно-представительные собрания относил к одному историческому типу, но доказывал, что если в странах Западной Европы возникновение сословных собраний «было необходимым и крупнейшим фактором самого собирания власти из ее феодального дробления и рассеяния», то «на Руси земские соборы являлись факторами организации государственного дела в единой самодержавной монархии, закончившей собирание власти полной победой над удельно-вотчинными ее дроблением» [8].

В 1920-е гг. М.Н. Покровский выступил с жесткой критикой теории о внеклассовом характере русского самодержавия, он оценивал деятельность земских соборов в Московском государстве с позиции своей концепции торгового капитализма и писал, что они выражали интересы «помещичьего землевладения и торгового капитала» [9]. В то же время некоторые историки-марксисты 1920-х гг. придерживались дореволюционных оценок земских соборов. Н.А. Рожков вслед за Б.Н. Чичериным писал, что земские соборы «были типическими сословно-представительными учреждениями фактически с совещательными функциями, без ограничительных тенденций по отношению к царской власти» [10].

В современной литературе нередко можно прочесть, что советская историография представляла собой некий особый «феномен», который был настолько подчинен господствующей идеологии, что историки не могли высказывать разные мнения по обсуждаемым вопросам. Между тем непредвзятый взгляд на развитие советской историографии показывает, что в ней велись достаточно острые дискуссии по многим обсуждаемым проблемам. В частности, советские историки высказали два прямо противоположных взгляда на политические формы управления Русским государством в конце XV–XVI веков.

История этого вопроса своими корнями уходит в 1930-е гг., когда складывалась официальная концепция образования Русского государства. На ее трактовку серьезное влияние оказал И.В. Сталин, который в статье «Марксизм и национально-колониальный вопрос», в «Тезисах к X съезду РКП (б) 1921 г.», в докладе на съезде «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указал на «своеобразный способ» образования централизованных монархий на востоке Европы — в Австро-Венгрии, России, где они складывались «в условиях не ликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма», причем в виде многонациональных государств. В России в силу неразвитости буржуазии процесс создания многонационального централизованного государства возглавила исторически сложившаяся сильная дворянская военная бюрократия. Ускоряющим фактором образования централизованного государства в России Сталин считал внешнюю опасность, необходимость борьбы против иноземцев, прежде всего татаро-монголов.

Анализ различных проектов учебников, разрабатываемых в середине 1930-х гг., показывает, что уже в них закладывалась идея централизации Русского государства как становления самодержавия. Идеи Сталина о самодержавном характере Русского централизованного государства, войдя в учебники и учебные пособия, оказали сильное влияние на работы советских историков, посвященных изучению государственного строя и политической истории русского средневековья. В частности, на связь между процессом образования единого Русского государства и становлением самодержавия указывала А.М. Панкратова. Давая периодизацию истории России, она выделяла в ней дофеодальный период, период феодальной раздробленности, период самодержавия и образования Российской империи [11].

Между тем, известный знаток русского средневековья С.Б. Веселовский связывал становление единого Русского государства с изменениями в формах управления и системе властвования, обусловленные прежде всего ростом частного вотчинного феодального землевладения [12]. В написанных им в 1940-е гг. и посмертно изданных в 1960-е гг. сочинениях по истории опричнины содержалась идея о необходимости разграничения процесса государственной централизации и сопутствующего ей самодержавия, которое не являлось обязательным условием этого процесса [13].

Во второй половине 40-х гг. XX в. вопросы образования единого Русского государства стали предметом дискуссий в Институте истории АН СССР, где выявились различные подходы к вопросу о сущности политических форм Русского государства XV–XVI веков. В дискуссиях принимали участие П.П. Смирнов, С.В. Юшков, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, В.В. Мавродин, И.И. Смирнов и др. В ходе обсуждения выявилась общая тенденция к завышению уровня общественного развития России. Авторы исходили из общности процессов образования единых государств в Западной и Восточной Европе. Происходившее в XIV–XV вв. объединение русских земель вокруг Москвы и нарастающая централизация государственного аппарата **отождествлялись** с параллельно происходившими процессами образования национальных государств в Западной Европе.

П.П. Смирнов видел в факте образования Русского централизованного государства крупное изменение всего общественного строя. Особенности этого процесса в России он усматривал в том, что при низком уровне экономического и социального развития «русская государственная организация сложилась раньше, чем ее мог создать процесс этого внутреннего роста сам по себе. Она была вызвана к жизни внешними потребностями, насущными и неотложными: потребностями защиты и самосохранения» [14].

С противоположной позиции выступил С.В. Юшков, который считал, что нельзя механически переносить процесс складывания единых государств в Западной Европе на Россию. Он характеризовал политическую форму Русского государства XV–XVI вв. как «раннефеодальную монархию», которая с середины XVI в. сменилась новой политической формой — сословно-представительной монархией, а та, в свою очередь, — монархией абсолютной. С. В. Юшков на материале русской истории раскрыл теоретические аспекты сущности сословно-представительной монархии. Автор полагал, что в эпоху сословно-представительной монархии власть царя была ограничена боярской думой и земским собором [15]. Точка зрения С.В. Юшкова нашла поддержку со стороны А.А. Зимина, С.А. Покровского и др., но вызвала возражения со стороны Г.А. Новицкого, А.В. Чернова, В.В. Мавродина.

К.В. Базилевич предложил другую периодизацию складывания Русского централизованного государства. Он выделял этап феодальной концентрации (с начала XIV до конца XV в.), этап образования централизованного государства как такового (правление Ивана III и Василия III) и этап превращения национального государства в многонациональное. К.В. Базилевич не считал монархию Русского централизованного государства XVI–XVII вв. сословно-представительной, называя ее сословной. Он отмечал, что форма сословно-представительной монархии предполагает ограничение верховной власти в пользу господствующих сословий (Франция, Германия и др.). В России сословия не только не ограничивали царскую власть, но служили средством к усилению ее, к централизации государственной системы. Это вполне соответствовало особенностям русского исторического процесса. К.В. Базилевич отмечал, что в России «принцип сословного представительства» «далеко не был таким полным, как в западных сословно-представительных учреждениях». Круг деятельности соборов был узок, собирались они, когда это было нужно царю, в систему государственности они не входили [16].

В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин считали, что позиция К.В. Базилевича вносила в рассматриваемый вопрос некоторую неясность, так как сословной монархией была в XV в. и продолжала оставаться таковой в XVIII веке. Эти исследователи определяли государственный строй Русского государства как централизованную монархию с боярской думой и боярской аристократией, а со второй половины XVI в. до второй половины XVII в. — как сословно-представительную монархию [17].

Л.В. Черепнин обосновал вывод о создании к концу XV в. «централизованного Русского государства». Этот вывод имел концептуальное значение и оказал влияние на развитие отечественных исследований по этой проблематике не только в советский, но и в современный период развития отечественной историографии. В то же время Л.В. Черепнин поддержал мысль С.Б. Веселовского о необходимости разграничения понятий «централизация» и «самодержавие». Он писал: «История земских соборов — история централизованного государства в сословно-представительной форме. <...> Централизация и самодержавие — не синонимы» [18].

Большинство советских историков связывало политическую централизацию с развитием острых классовых противоречий, которые рождались и расширялись в условиях напряженной национально-освободительной борьбы. В то же время

значительная часть советских историков выступила против преувеличения степени централизации России в XVI веке. Многие авторы писали о том, что процесс централизации государственной власти в это время не достиг той высокой степени, которую предполагали ранее.

После XX съезда КПСС начинается борьба с господствующей точкой зрения о степени централизации Русского государства и особенностях протекания данного процесса, в основе которой лежали идеи Сталина. Ослабли диктат и преопределенность суждений и выводов.

А.М. Сахаров указывал на существенные **отличия** процесса государственной централизации на Руси, где в это время еще не были преодолены замкнутость феодальных княжеств и республик по сравнению с аналогичным процессом в Западной Европе, где централизованные государства формировались в виде абсолютных монархий [19].

Тема централизации в Русском государстве была стержневой в творчестве А.А. Зимина. Взгляды ученого о степени централизации претерпели на протяжении его жизни значительную эволюцию. Сначала, вслед за господствующим в советской историографии мнением, он считал централизованное государство к середине XVI в. уже созданным. В дальнейшем ученый стал относить завершение этого процесса к середине XVII в. [20]. А.А. Зимин показал, что основы централизованного государственного аппарата были заложены лишь в результате реформ середины XVI века.

В.М. Панеях заметил, что «дистанцируясь от господствующей концепции Л.В. Черепнина, А.А. Зимин в последней книге цикла — о феодальной войне второй четверти XV в., пожалуй, перегибает палку, избегая употреблять термин “централизация” применительно к тем реформам, которые, безусловно, свидетельствуют о начальных этапах этого процесса». По его мнению, «эта полемическая направленность (хотя и неявная в данном случае) усиливает антагонистичность двух концепций, и без того совершенно различных» [21]. Продолжая традицию, заложенную С.Б. Веселовским, А.А. Зимин отделял централизацию от самодержавия.

В 1960-е гг. вновь популярным становится тезис о формировании на Руси в XVI в. сословно-представительной монархии. Однако в советской историографии не было единства по вопросу о том, когда в России формируется сословно-представительная монархия.

Л.В. Черепнин писал: «Начальной формой политической централизации в России явилась сословно-представительная монархия, сложившаяся на рубеже XV-XVI вв.» [22]. По мнению А.А. Зимина, Россия первой половины XVI в. представляла собой сословную монархию, а с 1549 г. (когда был созван так называемый собор примирения) превратилось в сословно-представительную монархию [23]. Н.Е. Носов отмечал, что в развитии государственного строя России XVI в. боролись две тенденции: «самодержавно-крепостническая» и «сословно-представительная». Отмечая широкие земские традиции, историк считал, что в середине XVI в. в период Избранной рады в России сложились устои сословно-представительной монархии. Затем, по мнению ученого, в годы опричнины в стране установился режим военно-феодальной диктатуры дворян-крепостников [24].

В 1968-1971 гг. на страницах журнала «История СССР» в ходе дискуссии об абсолютизме также поднимался вопрос и о сословно-представительной монархии как форме государства, предшествующей абсолютизму. Таким образом, к концу 1960-х гг. в советской историографии складывается достаточно устойчивое представление об эволюции политических форм русской государственности от феодальной централизованной монархии к сословно-представительной монархии.

В новейших исследованиях отчетливо звучит мысль, что политическую систему Руси в конце XV-XVI вв. «предопределила сложная комбинация целого ряда причин»: «монгольское» иго, византийское влияние, союз церкви со светской властью. С.О. Шмидт подчеркивает, что политические предпосылки объединения доминировали над экономическими.

А.А. Смирнов полагает, что та государственная идея, на которой было замешано самодержавие, ставшее основой политической системы с XVII по XX вв., имеет не ордынские, а отечественные истоки. «Основоположниками государственно-самодержавной идеи» на Руси автор считает Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. По мнению автора, именно военный фактор в процессе единения государства играл первостепенную роль. Тезис А.А. Смирнова о том, что «зерна монархии» обнаруживаются в политике владимирских князей, поддерживает М.М. Кром. «Эти зерна проросли, попав в благоприятную атмосферу ордынского ига», и ко времени Ивана III власть имела все основания приобрести самодержавный характер [25].

Ученый считает, что стержнем политической системы явилась единодержавная власть правителя, ничем и никем не ограждаемая ввиду слабости российского общества и отсутствия как государственных учреждений (до середины XVI в.), так и общественных объединений и корпораций [26]. Этот тезис был поддержан другими исследователями [27].

Некоторые современные исследователи вновь обратились к проблеме формирования абсолютизма в России в конце XV-XVI века. С.О. Шмидт приходит к выводу, что тезис об установлении самодержавия в России в конце XV — начале XVI в. не требует доказательства. Однако модель абсолютизма в России была несколько иной, нежели в Европе, в силу специфических особенностей России [28].

В современной историографии продолжает обсуждаться вопрос о терминологии, употребляемой при характеристике Российского государства конца XV-XVI века. Разные подходы к этой проблеме отразила дискуссия первой половины 1990-х гг. о сущности Российского государства, развернувшаяся на страницах журнала «Родина». Ряд исследователей полагает, что вопрос о терминах может быть решен лишь при рассмотрении вопроса о том, когда в России в общественном сознании утверждается термин «государство», отделяясь от термина «государя». Л.А. Черная полагает, что поворот «от «государя» к «государству» в общественном сознании россиян относится лишь к концу XVII — началу XVIII в. и связан с появлением идеи служения «общественному благу» [29].

А.В. Толстикова считает, что понятие «государство» приобретает самостоятельное значение уже на рубеже XVI-XVII вв [30]. М.М. Кром убежден, что «за период с конца XV по начало XVII в. понятие “государство” в России пережило значительную эволюцию: от полного отождествления его с личностью государя до осознания множеством провинциальных дворян и горожан принадлежности своей политической общности через причастность к некоему целому, называемому “Московским государством” или “царством”» [31].

Высказываются различные мнения и по вопросу о степени централизации в Русском государстве в XV-XVI веках. А.А. Смирнов не отвергает наличие централизации на Руси в XV в. при Иване III, но подчеркивает, что это была специфическая централизация — военная, а не политическая и экономическая. Русское войско было «единым уже в конце XV в.», и военная централизация почти на сто лет опередила завершение политической [32].

Некоторыми исследователями развивается тезис о том, что Российское государство в XVI в. не было централизованным, ибо подчинение большей территории или

объединение нескольких ранее самостоятельных государств нельзя считать достаточными признаками. «Централизованным можно назвать только государство, в котором существуют законы, признаваемые во всех его частях, и аппарат управления, обеспечивающий исполнение этих законов...» [33]. Процесс централизации начался только в конце XV — начале XVI вв., до его завершения было еще далеко.

Если для большинства советских историков было характерно сравнение процесса централизации на Руси с ситуацией в Западной Европе, то в современной историографии все более распространяется мнение, что централизация Русского государства пошла по восточному пути. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье, А.Л. Хорошкевич пишут: «История создания Русского централизованного государства была иной, чем история национальных государств в Западной Европе». При ответе на вопрос о том, по какому пути шла централизация Россия, авторы намекают: «Не находит ли она параллелей в истории восточных стран — например, в истории Османской империи?» [34]

Н. Алексеев убежден, что Московское самодержавие больше походило на восточный халифат, на тогдашнюю Турцию [35]. Американский исследователь Р. Пайпс полагает, что московское самодержавие носило вотчинный, или сеньориальный характер и, в отличие от английского понимания термина «государство», не подразумевало «правовых отношений» [36].

В настоящее время достаточно популярным является научное направление, которое рассматривает эволюцию средневековой русской государственности не с позиций централизации, а через призму развития общинных и земских начал. А.Ю. Дворниченко, М.В. Кривошеев, Ю.В. Кривошеев в эволюции средневекового российского государства выделяют «период общинно-территориальной государственности» (XII–XIV вв.) и «период земско-самодержавной государственности» (XV–XVII вв.) [37].

Первый период средневековой российской государственности сторонники этой точки зрения рассматривают с позиций историософской концепции И.Я. Фроянова, который говорит о развитии общинных начал древнерусских городов-государств, превращавшихся постепенно в земли — княжения. Ю.В. Кривошеев доказывает, что единое Русское государство образуется как «земско-самодержавное» по форме и существу, опираясь в своем возвышении на традиции земского управления [38].

Кроме того, по-прежнему актуальным и дискуссионным остается вопрос о существовании на Руси в XVI в. сословно-представительной монархии. Сторонники этой концепции И.В. Карацуба, И.В. Курукин, Н.П. Соколов полагают, что реформы Избранной рады и, прежде всего созыв Земских соборов и «установление “праведного” суда под контролем выборных — “излюбленных” — людей, было шагом к созданию сословно-представительной государственной системы, из которой в дальней перспективе могли вырасти парламентская монархия и демократия современного европейского толка» [39]. В то же время А.П. Павлов подчеркивает, что «хотя земство в России и позже (в XVII в.) продолжало играть видную роль в управлении государством, оно не превратилось в учреждение сословно-представительного характера западного типа и деятельность земских органов не выходила за рамки государевой службы» [40]. Это мнение разделяют С.О. Шмидт [41], М.М. Кром [42] и некоторые другие исследователи.

По нашему мнению, современный дискурс по вопросу о политических формах Русского государства в конце XV–XVI вв. связан не только с тем, что для нынешней российской историографии характерны вовлечение в научный оборот совершенно новых, ранее не известных источников по истории средневековой России, применение к их анализу новых методов исследования, а с тем, что, во-первых, современная историческая наука вынуждена учитывать предшествующую историографическую традицию, как дореволюционную, так и советскую, и

откликаться на поставленные в ней проблемы, а во-вторых, наличие различных теоретико-методологических подходов к отечественной истории в современной историографии приводит к появлению разнообразных точек зрения, делая их более глубокими и разносторонними, помогающими поставить новые подходы и проблемы в изучении политической системы XV-XVI веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962; Зимин А.А., Преображенский А.А. Изучение истории феодализма в России // Очерки истории исторической науки в России. М., 1966. Т. IV; Каштанов С.М., Клокман Ю. Р. Советская литература 1965-1966 гг. по истории России до XIX в. // История СССР. 1967. № 5; Черепнин Л.В. Изучение отечественной истории за 50 лет советской власти // Вопр. истории. 1967. № 11; Курмачева М.Д., Назаров В.Д. Исследования по истории СССР периода феодализма // Развитие советской исторической науки. 1970-1974. М., 1975; Ковальченко И.Д. Историография истории СССР дооктябрьского периода // История и историки: Историограф. ежегодник. 1979. М., 1982; Данилова Л.В. Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V; Преображенский А.А. Проблемы социально-экономической и политической истории феодальной России в трудах советских ученых // Новое в советской исторической науке. М., 1988; и др.
2. См.: Греков Б.Д. Изучение истории СССР за 25 лет // Ист. журнал. 1942. №2; Он же. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., Л., 1942; Он же. Основные итоги изучения истории СССР за 30 лет // Тр. юбил. сессии Академии общественных наук, посвящ. тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1948; Данилова Л.В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Ист. зап. М., 1965. Т. 76; Константинов С.В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП (б) 30-х гг. // Историческая наука в России в XX в. М., 1997; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск, 2005 и др.
3. См.: Сахаров А.М. Проблемы образования Русского централизованного государства в советской историографии // Вопр. истории. 1961. № 9; Шмидт С.О. Вопросы истории России XVI в. в советской исторической литературе 1950-х — начала 1960-х гг.) // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999; Гальперин Г.Б. Становление сословно-представительной монархии в России (из историографии вопроса) // Вестник ЛГУ. 1973. № 11. Сер. экономики, философии и права. Вып. 2; Кобрин В.Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на пути централизации. М., 1982; Алексеев Ю.Г. Некоторые спорные вопросы в историографии Русского централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983; Шмыкова М.Л. Проблемы государственной идеологии Московской Руси в отечественной историографии 50-80-х годов XX в. // Вестн. Удмуртск. ун-та. Сер. История. 2003. и др.
4. Цамутали А. Борьба течений в русской историографии во II половине XIX в. Л., 1977. С. 137-184
5. См.: Пресняков А.Е. Московское царство. Пг., 1918; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922; Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530-1584). Пб., 1923; Он же. Борис Годунов. Образы прошлого. Пг., 1921; Он же. Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII столетий. Пб., 1923; Вальденберг В.Е. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1.
6. Пресняков А.Е. Указ. раб. С. 14, 22-23; Платонов С.Ф. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 32; Платонов С.Ф. Борис Годунов. С. 83.
7. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. 6-е изд. Ч. I. С. 149.
8. Пресняков А.Е. Указ. раб. С. 116-117, 120.

9. Покровский М.Н. Избранные произведения в 4-х кн. М., 1967. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. С. 73.
10. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). М.-Л., 1928. 3-е изд. Т. IV. С. 267.
11. Панкратова А.М. За большевистское преподавание истории // Борьба классов. 1935. № 1-2. С. 30.
12. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М. -Л., 1947. Т. 1.
13. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
14. Смирнов П.П. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. // Вопр. истории. 1946. № 2/3. С. 57.
15. Юшков С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. // Вопр. истории. 1950. № 1. С. 72-88.
16. Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопр. истории. 1949. №11. С. 85-86.
17. Черепнин Л.В., Пашуто Т.В. О сущности политических форм Русского централизованного государства // Вопр. истории. 1951. №2. С. 49.
18. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М., 1978. С. 389.
19. Сахаров А.М. Проблемы образования Русского централизованного государства в советской историографии. С. 27.
20. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М. 1972. С. 6.
21. Панях В.М. Панорама истории России XV-XVI вв. А.А. Зими́на: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отеч. история. 1992. № 6. С. 75.
22. Черепнин Л.В. Указ. раб. // Ист. записки. 1986. Т. 114. С. 3.
23. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в. М., 1960. С. 325.
24. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений России. С. 12.
25. Кром М.М. Когда отзвонил вечево́й колокол // Родина. 1995. № 6. С. 37.
26. Там же. С. 38, 39.
27. Павлов А.П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. (опричнина Ивана Грозного) // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 239.
28. Шмидт С.О. Единое европейское государство // Родина. 1995. № 9. С. 70-72.
29. Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 34.
30. Толстиков А.В. Представление о государе и государстве в России второй половины XVI — первой половины XVII в. С. 302-303.
31. Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического курса XVI в. С. 64-65.
32. Смирнов А.А. Указ. раб. С. 35-36.
33. Головатенко А. История России спорные проблемы. М., 1994. С. 46.
34. Кобрин В.Б., Лурье Я.С., Хорошкевич А.Л. Послесловие // Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991.
35. Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 60.
36. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 109.
37. Дворниченко А.Ю., Кривошеев М.В., Кривошеев Ю.В. История древней и средневековой Руси. Гатчина, 2005. С. 13.
38. Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности (к постановке проблемы). СПб., 1995. С. 76.
39. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М., 2006. С. 173.
40. Павлов А.П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. С. 242, 243.
41. Шмидт С.О. Указ. раб. С. 71, 72.
42. Кром М.М. Когда отзвонил вечево́й колокол. С. 39.